

АРБЕКОВ Александр Борисович, аспирант, кафедра всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: killkennedy123@yandex.ru

ARBEKOV A.B., Postgraduate student, Department of General History and Regional Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: killkennedy123@yandex.ru

К ДИСКУССИИ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ МИССИИ Н. Г. СТОЛЕТОВА В АФГАНИСТАНЕ ЛЕТОМ 1878 ГОДА

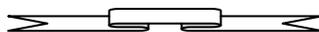
IN ADDITION TO THE DEBATE ON THE MILITARY AND POLITICAL SIGNIFICANCE OF N. G. STOLETOV'S SUMMER MISSION TO AFGHANISTAN IN 1878

Аннотация. В статье анализируются события, повлекшие за собой начало второй англо-афганской войны (1878–1881 гг.). В частности, подвергается более детальному изучению военно-политическая сторона англо-русского конфликта на завершающем этапе Восточного кризиса (1875–1878 гг.). Автор подробно рассматривает отдельный эпизод – отправление в Афганистан летом 1878 года дипломатической миссии генерал-майора Н. Г. Столетова с целью заключения союза против Англии, которая сопровождалась военной демонстрацией российской армии в сторону Британской Индии. На основе сопоставления точек зрения отечественных и зарубежных исследователей, а также за счет привлечения различных групп исторических источников предпринята попытка дать объективную оценку этим событиям и обозначить их влияние на генезис второй англо-афганской войны, ставшей закономерным следствием англо-русского соперничества на Востоке в конце XIX века.

Ключевые слова: викторианская Англия, колониальные войны, Восточный кризис, «Большая игра», Российская империя, вторая англо-афганская война.

Abstract. The article analyzes the events that led to the beginning of the Second Anglo-Afghan War (1878-1881). In particular, the military and political side of the Anglo-Russian conflict at the final stage of the Eastern crisis (1875-1878) is subjected to a more detailed study. The author examines in details a particular episode – the departure to Afghanistan in the summer of 1878 the diplomatic mission of Major-General N. G. Stoletov to conclude an alliance against England, which was accompanied with a military demonstration of the Russian army in relation to British India. Based on the comparison of the domestic and foreign researcher's points of view, as well as by involving various groups of historical sources, an attempt is made to give an objective assessment of these events and to identify their influence on the genesis of the second Anglo-Afghan war, which became a natural consequence of the Anglo-Russian rivalry in the East at the end of the XIX century.

Key words: Victorian England, colonial wars, Eastern Crisis, The Great Game, the Russian Empire, the Second Anglo-Afghan war.

В истории международных кризисов представлено множество различных военно-политических эпизодов, оценка которых сегодня имеет дискуссионный характер. В научном сообществе, как в отечественном, так и зарубежном, нередко возникает бурная полемика о ме-

сте, роли и влиянии этих событий на движение монорельса истории. Особый интерес в этом отношении вызывает оценка военно-политического значения миссии генерал-майора Н. Г. Столетова в Афганистане и индийского похода российской армии летом 1878 года, их

влияние на итоги Берлинского конгресса и определение их роли в развязывании второй англо-афганской войны (1878–1881 гг.).

Вторая половина XIX века ознаменовалась масштабным англо-русским соперничеством на Востоке, охватившим территорию многих азиатских стран и значительно повлиявшим на сегодняшнюю международную обстановку. Многие современники и историки называли этот процесс «Большой игрой». После окончания Крымской войны Российская империя стала активно инвестировать свой военно-экономический потенциал в колонизацию Средней Азии. В 1865 году царские войска взяли под свой контроль Ташкент, в следующем году – Самарканд, к 1873 году был обеспечен протекторат над внешней политикой Бухары и Хивы. В итоге значительное продвижение Российской империи в Средней Азии приблизило вплотную границы ее владений к Афганистану, издавна находившегося в сфере интересов Великобритании. Исторически все сухопутные завоевания Индии совершались именно через территорию Афганистана, поэтому вопрос, в чьей орбите влияния окажется это государство, стал приоритетным в борьбе двух империй в 70–80-х гг. XIX века.

Активизация агрессивных планов Великобритании, нацеленных на завоевание Афганистана, сегодня в исторической науке прочно ассоциируется с деятельностью консервативного правительства Б. Дизраэли (1874–1880 гг.). В это время лидеры тори претворяли в жизнь так называемую «наступательную политику», императивом которой стала идея о защите Индии от потенциального русского вторжения. Такая политика, по сообщениям русского военного агента в Лондоне А.П. Горлова, подразумевала полное «уничтожение независимых стран» на северо-западной индийской границе и рассматривалась лидерами консерваторов исключительно как «существенная стратегическая необходимость» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 75/об.).

Одновременно эти события на фоне глубокого политического и экономического кризиса в Османской империи накладывались на актуализацию восточного вопроса после начала восстаний в Боснии и Герцеговине летом 1875 года. Понятие «восточной вопрос» в интерпретации английских правящих кругов означало сохранность морских коммуникаций с Индией через Персидский залив и акваторию Средиземного моря. Среди тори существовало определенное представление, что потенциальный успех русского оружия в войне против Турции обеспечивал полное доминирование России в Малой Азии и на Ближнем Востоке, откуда за счет посредничества Персии и Афганистана появлялась возможность напрямую угрожать Индии.

Поэтому на фоне борьбы России с Османской империей англо-русские отношения значительно ухудшились. Как отмечал русский военный агент в Лондоне генерал-майор А. П. Горлов, «по мере того как Турецкая война подходила к концу – поведение Англии делалось все более враждебным» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 62). После заключения мира в Сан-Стефано 3 марта 1878 года Великобритания была против серьезного расширения владений Российской империи. Новая карта Европы грозила сокращением сфер ее влияния.

В итоге в марте 1878 года королева Виктория подписала приказ о призыве резервистов, в Дарданеллы направлялись английские боевые корабли на помощь Турции, а семь полков англо-индийской армии были передислоцированы из Индии на о. Мальта [5, С. 158]. В то же время, по сообщениям генерал-майора Горлова, в Англии был сформирован план потенциальных боевых действий против России одновременно в Европе и Малой Азии. Высадка британских войск планировалась в трех точках: 1) в Греции – в Салониках; 2) в Сирии – в заливе Александретты (Искандерун – А. А.); 3) на полуострове Галлиполи – под начальством лорда Р. Нэпьера, генерал-майора Г. Уолсли и генерал-лейтенанта Л. Симмонса соответственно. В возможных опе-

рациях британское командование рассчитывало объединиться с греческой армией и направить корпуса, сформированные из резерва в количестве 50 тыс. человек и «два войска милиции из Канады – 20 тыс. человек» на дальние берега Средиземного моря для боев на «Европейском участке», чтобы перерезать российские коммуникации на Балканах (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 62). Войскам генерала Симмонса доверялась оборона Дарданелло-Босфорской линии, в то время как союзные англо-турецкие силы численностью до 100 тыс. чел. под командованием Г. Уолсли должны были ударить по Закавказью и произвести наступление в турецкой Армении и российской Грузии по линии Трабзон-Ван (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 62), попутно совершая высадку десанта на определенных точках «русского берега Черного моря» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 62).

Примечательно, что к представленным выше проектам военных действий против России к началу июня 1878 года был добавлен подробный план десантной операции для выведения из строя Кронштадта и организации наступления на Санкт-Петербург в качестве средства достижения «желаемых практических результатов, сводящих к минимуму нарушение спокойствия в Европе в желаемые сроки» (Captain C.A. Noedt, Materials for an Operation against Cronstadt, 5 June 1878//PRO FO 881/3643. P. 3). Он предполагал высадку диверсионного отряда численностью 4–5 тыс. чел. в Сестрорецке, чтобы отвлечь силы столичного гарнизона и тем самым открыть возможность для проведения крупной операции военно-морского флота против Кронштадта с последующей блокадой Свеаборга, Выборга и Ревеля (Ibid., P. 1–3).

На фоне этих событий в апреле 1878 года состоялось особое совещание под председательством Александра II, на котором было запланировано в качестве нелинейного ответа на угрозы британской стороны в Европе провести демонстративные действия на среднеазиатском

плацдарме против английских владений в Индии [6, С. 259]. В телеграмме от 21 апреля военный министр генерал-адъютант Д. А. Милютин приказывал генерал-губернатору Туркестана К. П. фон Кауфману немедленно приступить к усилению туркестанских войск формированием резервных частей и посредством тайных агентов собрать сведения о положении дел в Афганистане и северной части Индии. В секретном приказе от 25 апреля также предписывалось начать постепенную подготовку к вероятному походу и снарядить официальное посольство к афганскому эмиру под руководством генерал-майора Н. Г. Столетова, «как знающего азиатские языки и могущего поэтому лично вести переговоры» [2, С. 95–99].

Согласно приказу от 26 мая 1878 года было сформировано три наступательных отряда под общим командованием генерала Кауфмана. Главной колонне, состоящей из 12 тыс. чел., под начальством генерал-майора Троцкого предписывалось проследовать из Самарканда в Джам и ожидать дальнейших приказаний. Вторая колонна, организованная в Маргелане, в составе около 1700 чел. должна была продвигаться под командованием генерал-майора Абрамова в долину Кызыл-Су. Третьей, или Амударьинской колонне, сформированной в Петро-Александровске под командованием полковника Гротенгельма, численностью 1700 чел. следовало двинуться вверх по течению р. Амударьи в Чарджуй [2, С. 106–107; 10, P.21–22]. Помимо этих трех колонн, был подготовлен отряд в Чикишляре под командованием генерал-майора Н. П. Ломакина в составе 4 батальонов пехоты, 2 сотен казаков и 8 орудий сводной горной и полевой артиллерии (около 4 тыс. чел.) с целью движения в сторону Мерва и возможной оккупации страны Акхал (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6901. Л. 134–135).

В начале июня 1878 года генерал Кауфман уведомил афганского эмира Шер Али хана, что миссия генерала Столетова, сопровождаемая царскими войсками, отправлена для заключения

с ним обоюдновыгодного «тесного союза» [8, Р. 16]. В Кабуле генерал-майор Столетов представил эмиру проект военной конвенции из 11 пунктов. В соответствии с ними афганский правитель должен был признать протекторат России над своей страной, а генерал-губернатор Туркестана принимал на себя обязательства поддерживать со своей стороны стремления эмира противодействовать британским посягательствам и «оказать поддержку фактически» [2, С. 102] в случае вооруженного конфликта Афганистана с Англией. Они также планировали создание сети складов боеприпасов, провианта и фуража в северных провинциях страны и строительство железной дороги [5, С. 163].

Но после заключения 13 июля 1878 года Берлинского трактата Россия пыталась воспрепятствовать дальнейшей эскалации международного конфликта. В ходе переговоров с английским послом в Петербурге лордом Лофтусом российский канцлер А. М. Горчаков дал понять, что это были меры военной предосторожности на случай войны между Англией и Россией, если ее не получится избежать. Однако в свете последних событий «они были отменены и все войска отозваны» [7, Р. 340]. Также, как отмечал в марте 1880 года на страницах своего дневника Д.А. Милютин, «проект договора, который был замышляем Столетовым во время пребывания его в Кабуле в 1878 году, оставлен был в проекте, без всяких последствий» [4, С. 275].

В итоге военный союз с афганским эмиром действительно так и не был юридически ратифицирован, что позволило России выстраивать свою политику в Средней Азии более осторожно на фоне Восточного кризиса. Однако насчет отсутствия «последствий» Д. А. Милютин, с нашей точки зрения, очевидно, заблуждался, так как именно факт принятия миссии генерал-майора Столетова стал решающим в определении дальнейшей судьбы Афганистана.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии эти события и их последствия, до

сих пор, вызывают различные дискуссии. Ряд научных специалистов оценивают в негативном ключе значение миссии генерала Столетова и похода в Индию, которые не смогли решить насущных международных проблем России после окончания Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) и привели лишь к усилению позиций Великобритании на Востоке. Английский историк Дж. Морган писал: нет сомнений в том, что Россия использовала свои более сильные позиции в Средней Азии, чтобы обратить традиционные страхи британцев против них и вызвать диверсию [9, Р. 175]. Но если основной целью этих усилий действительно стало развязывание Англо-афганской войны, которая должна была повлиять на результаты конгресса в Берлине в пользу России, то он расценивал это «как полный провал» [9, Р. 181]. Похожей точки зрения придерживался советский исследователь Г. А. Хидояттов, указывая, что русские приготовления не произвели должного впечатления на англичан и не дали тех результатов, которых от них ожидали [6, С. 263].

Противоположной точки зрения придерживаются некоторые отечественные историки. В частности, Т. Н. Загородникова выдвигает предположение, что действия российских войск достигли своей цели и это средство давления сработало: на Берлинском конгрессе англичане были более сговорчивы благодаря в числе прочего и этому походу [2, С. 40]. Такой же позиции придерживается и К. Н. Кубанов, утверждавший, что стояние царской армии в Джаме «стало «победой русского оружия» на подступах к Индии и послужило причиной ряда уступок английских представителей на мирных переговорах по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» [3, С. 22].

Для освещения нашей позиции по данному вопросу представляется необходимым прежде всего определить роль и место миссии Н.Г. Столетова и похода в Индию в общем полотно военно-стратегических планов высшего российского командования на завершающем

этапе Восточного кризиса. Также принципиально важно проанализировать позиции британских политических и военных кругов по афганской проблеме и проследить конкретное влияние описанных выше событий на динамику взглядов английской правящей элиты в контексте сложившихся противоречий в Центральной Азии.

Весной 1878 года высшее российское военное командование находилось в очень тяжелом положении, так как сложившаяся на Балканах обстановка грозила Российской империи возможностью большой войны с коалицией европейских держав в лице Англии, Австро-Венгрии и Турции не при самом удобном политическом и экономическом раскладе. В этих обстоятельствах военной партии при дворе Александра II приходилось производить трезвую оценку быстро менявшейся ситуации и разрабатывать релевантные планы на случай масштабной вооруженной конфронтации.

Одним из главных стратегов России в этот сложный для нее период стал генерал-адъютант Н.Н. Обручев, занимавший пост управляющего военно-ученым комитетом Главного штаба. В течение февраля-марта 1878 года им был подготовлен ряд аналитических записок с обсуждением общей сложившейся военно-стратегической ситуации на Балканах и в Малой Азии и рассмотрением вариантов возможных действий российской армии против складывающейся антирусской коалиции.

Анализ подобных инициатив и их динамики в контексте последнего этапа Восточного кризиса подробно представлен в работах О.Е. Алпеева. Несмотря на последовательное и всестороннее изучение этого вопроса, нам представляется, что автор совершает ряд допущений при исследовании подготовки России к войне с европейской коалицией, особенно в контексте освещения английской стороны конфликта. В частности, российский историк указывает, что Англии «для операций против России требовалось 150 тыс. чел., тогда как армия королевы Виктории насчитывала только 134 тыс.» [1, С. 128].

Здесь важно отметить, что, приняв во внимание в целом малую численность конкретно английской армии, большие трудности при ее мобилизации и развертывании, британское правительство с самого начала Восточного кризиса собиралось действовать превентивно в союзе с Турцией и по возможности намеревалось заручиться союзом с Австро-Венгрией. Поэтому в случае войны с Россией высшее английское командование еще в декабре 1876 года определило, что общая численность войск для боевых действий на Балканах должна составить не менее 150 тыс. чел., из которых конкретно Великобритании следовало привлечь примерно два корпуса в 60–70 тыс. чел., а также «нанять» турецкую армию до 100 тыс. чел. под командование специально отобранных английских офицеров.

Исходя из этих калькуляций, к концу 1876 года потенциальная высадка десанта планировалась в местах, где будет проще обеспечить морское сообщение с основными военноморскими базами Великобритании и оказывать содействие Турции в операциях на Балканах, – Галлиполи, Буюк-Чекменджи (Memorandum by the Inspector-General of Fortifications, 4 December 1876) и Варна (Colonel Home to the Inspector-General of Fortifications, 16 November, 1876). При этом, как показывают донесения российского военного агента в Лондоне генерал-майора Горлова за 1878 год, подобные расчеты не теряли своей актуальности вплоть до заключения Берлинского трактата и адаптировались под динамично меняющуюся обстановку на основных театрах войны в Европе и Малой Азии. Поэтому конкретно небольшая численность английских войск в контексте возможных совместных действий Англии и Турции против России не противоречила планам привлечь для этого союзную 150-тысячную армию.

Из обозначенной выше предпосылки О. Е. Алпеев делает вывод, что «руководство Российской империи серьезно переоценивало мощь и мобилизационные ресурсы британской

армии, считая, что Туманный Альбион сможет выставить от 100 до 250 и даже до 300 тыс. чел.» [1, С. 127]. Обращение к первоисточнику показало, что генерал Обручев в своей записке, производя калькуляцию вражеских сил для грамотного распределения военных ресурсов России на различных операционных направлениях, действительно указывал, что «...Англия грозит на словах экспедиционной армией в 250–300 тыс. чел.». Однако в следующем предложении он четко и верно характеризует эту цифру как «фантастическую», которую на практике британскому командованию не удастся организовать «при настоящем напряженном состоянии Афганистана и самой Индии...» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 19–19 об.).

С учетом реальных мобилизационных способностей Великобритании генерал Обручев считал вероятным подготовку Англией на случай войны с Россией двух экспедиционных корпусов общей численностью 62 тыс. чел. при 174 орудиях, к которым спустя несколько месяцев потенциально может прибавиться еще один корпус в 30–35 тыс. чел. (РГВИА Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 19–19/об.). В основу этих подсчетов при определении основного операционного направления ложилось сведения военного агента в Лондоне генерал-майора А. П. Горлова за 1876–1877 гг. Согласно его донесениям Англии для отправления 50–60 тыс. армии могло потребоваться не менее трех с половиной месяцев, поэтому английский десант «прежде вступления в бой может появиться на театре действий слишком поздно» (РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. 1877 г. Д. 49. Л. 59).

Этим генерал Обручев и предлагал воспользоваться. По его замыслу следовало сконцентрировать основные силы Российской армии на ключевом направлении – на захвате и удержании Босфора, который, по мнению российского стратега, представлял собой «совершенно обязательный ключ войны» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 36). В противном же случае Россия давала Англии в руки «все средства настаивать на

своём... начать разорение и бомбардировку всех наших берегов» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 3535 об.). План потенциальных операций против союзных Англии и Турции подразумевал также развитие наступления в западной Болгарии с целью оккупации значительной территории Греции и ее побережья в районе Салоник, чтобы воспрепятствовать возможной высадке английского десанта (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 22 об.).

Примечательно, что российский военный аташе в Лондоне А. П. Горлов, наряду с предоставлением подробных сведений о военных и мобилизационных ресурсах Англии, в своих репликах неоднократно предлагал различные методы отвлечения английских сил, чтобы поставить Россию на более выгодные позиции в случае вооруженной конфронтации с Англией. Так, генерал-майор Горлов указывал, что в руках генерал-губернатора в Туркестане К. П. фон Кауфмана и генерал-майора Н. П. Ломакина в Закаспийской области «имеются средства увеличить до некоторой степени беспокойство на северо-западной границе Индии» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1877 г. Д. 4. Л. 230/об.). Также он сообщал о серьезном напряжении в англо-афганских отношениях и считал, что «это выгодное обстоятельство не следовало бы упустить» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1877 г. Д. 4. Л. 233).

Генерал-адъютант Н. Н. Обручев в свою очередь верно полагал, что России не следовало расплывать свои ограниченные ресурсы на организацию рискованных политических авантюр, рассматривая возможность демонстративных действий против Англии на среднеазиатском плацдарме лишь как «паллиатив», организация которого с его точки зрения «представляет еще много проблематичного» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 35 об.). Однако в скором времени военной партии при дворе Александра II пришлось к нему прибегнуть.

Дальнейшее изменение военно-политической ситуации на Балканах потребова-

ло срочной выработки новой стратегии. На это повлияло осложнение международной обстановки, нерешительность царского правительства, ухудшение организационного и санитарного положения российской армии как в Европе, так и в Малой Азии. В результате высшее российское командование к маю 1878 года полностью отказалось от идеи захвата Босфора и сосредотачивало свои основные ресурсы для разгрома Австро-Венгрии [1, С. 131–132]. В этих условиях организация демонстративного похода в Индию и отправление миссии генерал-майора Столетова в Афганистан приобретали особое стратегическое значение, которые в теории позволили бы сместить фокус внимания Англии с Европы на Среднюю Азию и создать необходимый рычаг внешнего давления на Великобританию при попытках с ее стороны сильно ущемить территориальные претензии Российской империи после войны с Турцией.

Обращаясь к опыту последующей второй англо-афганской войны (1878–1881 гг.), можно однозначно отметить, что российскому правительству в целом удалось решить поставленную задачу. Кампания против Афганистана буквально «впитала» в себя значительные военные и экономические ресурсы Британской империи. Согласно отчету от 20 июня 1904 года директора Департамента военных операций (Memorandum embodying information regarding the Second Afghan War, 20 June 1904) генерал-майора Джеймса Гирсона, к лету 1880 года для боевых действий против афганцев было мобилизовано свыше 70 тыс. чел., из которых 42 тыс. одновременно находились на территории Афганистана (Memorandum embodying information regarding the Second Afghan War, 20 June 1904). Таким образом, в операциях было задействовано больше трети военного контингента, дислоцированного в Индии. При этом война стала буквально «черной дырой» для британской экономики. На ее ведение было выделено более 20 млн фунтов стерлингов [11, Р. 276].

Поэтому сама идея организации демонстративного похода в Индию с целью отвлечения значительных военных ресурсов Англии для решения актуальных стратегических задач в Европе имела под собой четкое и логическое обоснование, которое позволяло России в теории сконцентрировать свои ресурсы на решающем операционном направлении. Однако в отрыве от внешнеполитической обстановки и вне контекста общих военно-стратегических планов высшего российского командования весной 1878 года миссия генерал-майора Н. Г. Столетова в Афганистане была обречена на полный и безоговорочный провал.

При этом важно отметить, что британцы с самого начала очень внимательно наблюдали за подготовкой царского правительства к индийскому походу. Интересной деталью донесений английских резидентов в России является частое упоминание генерал-лейтенанта М. Г. Черняева в качестве главнокомандующего экспедицией в Пешавар. Так, 29 марта 1878 года генеральный консул в Одессе лорд Стэнли сообщал министру иностранных дел лорду Дерби: «Сегодня местный начальник штаба заявил, что в случае войны с Англией Черняева отправят в Среднюю Азию, и он попытается разжечь враждебные настроения против Англии, особенно в Афганистане, и разжечь недовольство в Индии» (Consul-general Stanley to the Earl of Derby, 29 March 1878). Через несколько дней консул в Москве Джордж Уэбб транслировал подобную информацию, полученную им «косвенно от должностных лиц канцелярии генерал-губернатора, о том, что генерал Черняев, бывший главнокомандующий сербской армией, направлен к племенам на индийской границе» (Acting Vice-Consul Webb to Lord A. Loftus). 12 апреля английский посол А. Лофтус сообщил лорду Солсбери, что генерал Черняев отправился после аудиенции императора 24 марта из Петербурга в Красноводск «с очень важной миссией» в сопровождении полковника Н. Г. Столетова, «русского офицера с прекрас-

ной репутацией в среднеазиатских делах» (Lord Loftus to the Marquis Salisbury, 12 April 1878), а в последствии дополнил свою депешу сведениями о «...назначении полковника Главного штаба Столетова под прямое начальство главнокомандующего в Туркестане...» (Same to Same, 19 April 1878).

Необходимо подчеркнуть, что дальнейшие сведения относительно задач русской миссии, маршрута ее движения и численности царских войск в докладах английских дипломатов и агентов значительно колебались. Например, британский консул в персидском Реште Г. Черчилль сообщал фантастические цифры численности российских войск в размере 120 тыс. чел., направлявшихся вниз по Волге в Красноводск под командованием генерала Черняева для дальнейших «угроз нашей индийской границе по Атреку». Но он оптимистично отмечал, что для русских станет огромной проблемой «движение даже маленького отряда через степи, лежащие между Каспием и Центральной Азией» (Consul Churchill to Marquis Salisbury, 12 June 1878). Однако уже к середине августа 1878 года министр по делам Индии лорд Крэнбрук имел точные и подробные сведения о деятельности российской войск в Средней Азии, а также об их основных предписаниях и маршрутах движения. Комментируя эти депешы в переписке с министром иностранных дел лордом Солсбери, он выражал серьезные опасения что «четыре русские военные экспедиции, насчитывающие около 20 тыс. чел., были сосредоточены в пунктах, которые непосредственно контролируют Мерв и страну Акхал и угрожают северной границе Афганистана» [10, P. 22].

С нашей точки зрения, эти донесения не только показывают высокую степень осведомленности правительства как в Англии, так и в Индии о действиях России в Средней Азии, но и наглядно демонстрировали выгодное применение этих сведений для реализации своей дальнейшей агрессивной политики в регионе. Анализ последующих событий позволяет нам

однозначно утверждать, что нахождение царской миссии в Кабуле не только не повлияло на планы руководства в Уайтхолле, но и в какой-то степени даже развязало им руки.

Во-первых, накануне Берлинского конгресса, 4 июня, в Константинополе была подписана совместная тайная конвенция между Британией и Османской империей о союзных оборонительных действиях в связи с «русской агрессией в Азии» [7, P. 774–776]. Договор предписывал Великобритании оказать военную помощь Турции в случае, если Россией «будет предпринята попытка захватить любые дальнейшие территории Его Императорского Величества Султана в Азии» [7, P. 745]. Османский султан, в свою очередь, соглашался на превращение острова Кипр в протекторат Великобритании с возможностью размещения там постоянного военного гарнизона [7, P. 746].

Таким образом, Англия решила одновременно несколько важнейших стратегических задач – получила в свое распоряжение надежную военно-морскую гавань в восточной части Средиземноморья без вступления в вооруженную конфронтацию с Россией и гарантии со стороны Турции о сотрудничестве в случае повторной эскалации конфликта.

Во-вторых, заключением Берлинского трактата консервативное правительство Дизраэли буквально обеспечило себе «карт-бланш» по афганскому вопросу. В этом отношении особого внимания заслуживает программа, составленная индийской администрацией и представленная в Лондон на рассмотрение кабинету министров осенью 1877 года.

Составителем данного меморандума являлся полковник Дж. Колли – военный секретарь вице-короля Индии лорда Литтона. В этом документе автор предрекал возможность со стороны России начать наступление к индийским границам, однако в ближайшей перспективе он считал маловероятным полноценную организацию такого похода. По его мнению эффективные боевые операции восточная соперница Англии мог-

ла проводить только с помощью сил Кавказского военного округа, а принимая во внимание географические особенности и отсутствие адекватных коммуникации этой базы с Туркестаном «армия Кавказа с ее обученными солдатами и значительными военными ресурсами не может принимать участие в каких-либо операциях, проводимых в ханствах или в Афганистане» (Opinion of the Government of India as to the measures to be taken in consequence of General Lomakin's occupation of Kizil Arvat, November 1877). Примечательно, что именно по этой причине военная партия при дворе императора Александра II после апрельского совещания отказалась от плана генерал-адъютанта Крыжановского, генерал-губернатора Оренбурга, который подразумевал выдвижение большой группы войск до 150 тыс. чел. по главному пути, ведущему в Индию от Астрабада к Герату, чтобы «действительно угрожать английскому владычеству в Индии и побудить английское правительство изменить свой образ действий против России» [2, С. 90].

В таком случае именно позицию Кабула в контексте англо-русского соперничества военный советник лорда Литтона определял как ключевой фактор сохранения британского «престижа» на Востоке. Учитывая неоднократный отказ эмира идти на сотрудничество, он видел только два сценария развития событий – Афганистан полностью подчинится влиянию России или Англия предпримет «энергичные действия, чтобы защитить там свои интересы». Для выполнения второго варианта им предлагалось принять политические и военные меры, чтобы «помешать России получить опору или даже доминирующее моральное влияние в Афганистане», которые подразумевали полную оккупацию западной части страны «с согласия эмира или без него» и дезинтеграцию Афганистана на отдельные ханства, где будет проще поддерживать британское влияние.

Поэтому, согласно программе полковника Колли, нахождение царской миссии в Кабуле

только подтверждало опасения британских властей об усилении российского влияния в Афганистане и доказывало необходимость принятия более решительных военно-политических мер. И если изначально тори не решались на открытую агрессию против эмира Шер Али, то к лету 1878 года, по донесениям генерал-майора Горлова, «английское правительство узнало с радостью о появлении русской миссии в Кабуле и предлог для покорения Афганистана был найден» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 75/об.). Именно с этого момента, опасаясь столкновения с Англией, царские дипломаты стали вести свою политику более осторожно, а британские – более решительно.

В конечном итоге российское правительство, получив гарантии от Лондона о сохранении прежних договоренностей по делам в Средней Азии, отозвало миссию генерала Столетова обратно в Ташкент и тем самым, по выражению Е. И. Сергеева, бросило на произвол судьбы своего потенциального союзника [5, С. 166]. Обеспечив возможность Англии направить эмиру Шер Али хану ультиматум в ответ на отказ принять в сентябре 1878 года аналогичную британскую миссию генерала Чемберлена, миссия Столетова повлекла за собой 20 ноября того же года беспрепятственное вторжение англо-индийских войск в Афганистан и полное подчинение этого государства политическому влиянию Великобритании на ближайшие десятилетия.

Таким образом, отправление миссии Н. Г. Столетова в Афганистан и организация демонстративного похода в Индию стали решающим доводом для властей в Лондоне и Калькутте начать вторую англо-афганскую войну (1878–1881 гг.) с целью усиления своих позиций в Средней Азии. Российское правительство, отказавшись поддержать эмира Шер Али в вооруженном конфликте против Англии, объективно продемонстрировало слабую и непоследовательную политику в отношении своего соперника по «Большой игре». Также события Восточно-

го кризиса наглядно показали определенные изъяны в работе механизма российского военно-стратегического планирования, в рамках которого высшее командование было вынуждено спешно разрабатывать и видоизменять проекты развертывания вооруженных сил Российской империи на случай начала большой войны с Великобританией.

С другой стороны, эти события четко обозначили претензии британского правительства на геополитическое господство в Средней Азии и готовность отстаивать свои интересы даже ценой повторения горького опыта Крымской войны. Политика Лондона, в рамках обозначенного периода, строго определялась сквозь призму проблемы «обороны Индии», что на практике привело к обострению англо-российских отношений и развязыванию второй англо-афганской войны.

Библиография:

1. Алпеев О.Е. Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г. // Сборник статей по материалам международной научной конференции. Сер. Никитинские чтения «Славяне и Россия», 2019. – С. 120-136.
2. Загородникова Т.Н. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов. – М.: Наука, 2014. – 359 с.
3. Кубанов К.Н. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв.: автореферат дисс. канд. ист. наук, Нижневартовск, 2003.
4. Милютин Д.А. Дневник 1873–1880, Т. 2. – М., 2016. – 533 с.
5. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М., 2012. – 454 с.

6. Хидятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.) – Т., 1969. – 456 с.

7. British and Foreign State Papers. Vol.69, (1877-1878), L., 1885.

8. British Parliamentary Papers. Central Asia. No. 2 (1881), С. 2802, L., 1881.

9. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia 1810-1895. L., 1981. – 288p.

10. Precis of Communications between England and Russia on Afghan Question, 4 December 1878, L., 1878.

11. Robson B. The Road to Kabul: The Second Afghan War, 1878-1881. L., 1986. – 312p.

References:

1. Alpeyev O.Ye. (2019) Planirovaniye Rossiyei voyny s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii v 1878 g. [Planning by Russia of the war with the coalition of Great Britain, Austria-Hungary and Turkey in 1878] // Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ser. Nikitinskiye chteniya «Slavyane i Rossiya». – S.120-136. (In Russ.).
2. Zagorodnikova T.N. (2014) Bol'shaya igra v Tsentral'noy Azii: Indiykiy pokhod russkoy armii: Sbornik arkhivnykh dokumentov [The Great Game in Central Asia: The Indian Campaign of the Russian Army: Collection of Archival Documents]. – М.: Nauka. – 359 s. (In Russ.).
3. Kubanov K.N. (2003) Pokhody v Indiyu v proyektakh rossiyskikh voyennykh i politicheskikh deyateley XVIII - nachala XX vv. [Voyages to India in the projects of Russian military and political figures of the 18th - early 20th centuries]: avtoreferat diss. kand. ist. nauk, Nizhnevartovsk (In Russ.).
4. Milyutin D.A. (2016) Dnevnik 1873 – 1880 [Diary 1873-1880], T.2. – М. – 533 s. (In Russ.).
5. Sergeev Ye.YU. (2012) Bol'shaya igra, 1856-1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii [Big Game, 1856-1907: myths and realities of Russian-

British relations in Central and East Asia]. – М. – 454s. (In Russ.).

6. Khidoyatov G.A. (1969) Iz istorii anglo-russkikh otnosheniy v Sredney Azii v kontse XIX v. (60-70- ye gg.). [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the XIX century. (60-70s)] T.1. – 456s. (In Russ.).

7. British and Foreign State Papers. Vol.69, (1877-1878). – L., 1885 (in Engl.).

8. British Parliamentary Papers. Central Asia. No. 2 (1881), C. 2802, L., 1881 (in Engl.).

9. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia 1810-1895. L., 1981. – 288 p. (in Engl.).

10. Precis of Communications between England and Russia on Afghan Question, 4 December 1878. – L., 1878 (in Engl.).

11. Robson B. The Road to Kabul: The Second Afghan War, 1878-1881. L., 1986. – 312p. (in Engl.).